

Georgieva-Teneva, 2022 – *Georgieva-Teneva O. Literary Education and War as a Civil Anti-value / Bulgarian Language and Literature. 2022. Vol. 64, № 5S, pp. 11-24*

Ilyina, 2020 – *Ilyina V. Approaches to the values and anti-values meaning description / SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 88.*

УДК 141.5

Кононова Е. С.,

*кандидат философских наук, доцент,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Бегство человека от субъектности

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-86-94

Размышления автора в данной статье продолжают серию работ, посвященных современному состоянию философско-антропологической проблематики. На сегодняшний день в рамках интегральной философской антропологии пересматривается традиционно оформившееся понимание некоторых фундаментальных характеристик человека (перед лицом приближающегося трансгуманизма и серьезно предъявившего претензии философии современного натурализма). Так, субъектность рассматривается нами как атрибутивная характеристика человека, определяющая ценностно-смысловой уровень его бытия. При этом в истории философской мысли мы найдем немало примеров отказа человеком от своей субъектности, будь то в скрытой или проявленной форме. Рассматриваются различные формы бегства человека от субъектности, такие как теоретическое и прагматическое бегство. А натуралистический редукционизм представлен как наиболее агрессивная позиция, наносящая удар человеческой субъектности и, как следствие, свободе воли.

Ключевые слова: *философская антропология, субъектность, атрибутивные характеристики, латентная субъектность, свобода воли, фатализм, натурализм, редукция, церебрализм, бегство от свободы, Э.Фромм, Р.Сапольски.*

Kononova E. S.,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

Man's escape from subjectivity

The author's reflections in this article continue a series of works devoted to the current state of philosophical and anthropological issues. Today, within the framework of integral philosophical anthropology, the traditionally formed understanding of some fundamental human characteristics is being revised (in the face of approaching transhumanism and the seriously challenged philosophy of modern naturalism). Thus, subjectivity is considered by us as an attributive characteristic of a person, determining the value-semantic level of his being. At the same time, in the history of philosophical thought, we will find many examples of a person's rejection of his subjectivity, whether in a hidden or manifested form. Various forms of human escape from subjectivity, such as theoretical and pragmatic escape, are considered. And naturalistic reductionism is presented as the most aggressive position, dealing a blow to human subjectivity and, as a result, free will.

Keywords: *philosophical anthropology, subjectivity, attributive characteristics, latent subjectivity, free will, fatalism, naturalism, reduction, cerebralism, escape from freedom, E.Fromm, R.Sapolsky.*

Человека можно определять по-разному: «политическое животное»; разумное существо; тот, кто живет в мире ценностей и смыслов... Сейчас нам в рамках философско-антропологических размышлений (и поиске фундаментальных сущностных характеристик человека) важнее всего подчеркнуть, что человек – это тот, кто может быть субъектом в полном смысле этого слова. То есть человек – это тот, кто может инициировать поступки, может осуществить их и, соответственно, может (и должен!) нести за эти поступки ответственность.

Казалось бы, субъектность – это атрибутивная характеристика человека. И тогда при внимательном и достаточно глубоком изучении каждого человека мы действительно всегда найдем у него этот конституирующий признак. Но совсем нетрудно убедиться в том, что во многих ситуациях отыскать этот признак у человека бывает нелегко, поскольку этот признак (субъектность), если и присутствует у этого человека, то в минимальном, едва заметном виде. Здесь, наверное, следует упомянуть феномен латентной (скрытой, потенциальной) субъектности. Более того, нередко и сам человек убежден, что он в принципе или ситуативно лишен качества субъекта. Наконец, достаточно часто человек всеми силами дистанцируется от этого качества. Иначе говоря, совсем нередко человек сознательно или бессознательно, так сказать, бежит от своей субъектности.

Сама субъектность как объект и контекст размышлений была представлена в предыдущей статье [Финогентов, Кононова, 2024]. Предметом же данного исследования является феномен бегства от субъектности. Вот об этом весьма распространенном феномене, бегстве человека от субъектности, и пойдет сегодня речь. Нет смысла скрывать, что формулировка «бегство от субъектности» навеяна названием знаменитой книги Э. Фромма «Бегство от свободы» [Фромм, 2000].

Первичной, исходной формой бессознательного бегства от своей субъектности является мифологическое мировоззрение. Можно сказать, что на той стадии эволюции человеческих сообществ, когда в них абсолютно доминировали различные формы мифологического мировоззрения, субъектность человека еще не сформировалась. Сообщества вели тогда, образно говоря, роевой образ жизни. Чертами субъекта тогда обладал скорее первобытный коллектив, нежели человеческий индивид. Индивид был тогда всего лишь частичкой такого коллектива. По всей видимости, родовые воспоминания об этом периоде зафиксированы в библейском повествовании о беззаботном пребывании наших предков в раю. Соответственно, библейский рассказ об изгнании Адама и Евы из рая фиксирует драматическое зарождение феномена человеческой (индивидуальной) субъектности, по крайней мере, в некоторых ранних человеческих сообществах. (См. об этом также в упомянутой книге Эриха Фромма «Бегство от свободы» [Фромм, 2000]). Речь идет в первую очередь о таких сообществах, в которых сформировались монотеистические представления.

После зарождения в таких – лидирующих в некотором смысле – сообществах индивидуальной субъектности человек всегда стоял перед судьбоносным выбором. Или он признавал свою субъектность и выстраивал свою жизнь в качестве субъекта, со всеми вытекающими отсюда очень серьезными для этого человека последствиями. Или он всеми способами бежал от своей субъектности и тем самым прятался от ответственности за свои поступки, за свою жизнь. Это, несомненно, важнейшая, можно сказать, судьбоносная развилка и в жизни каждого человека, и в жизни разнообразных человеческих сообществ.

Напомню, что речь идет здесь преимущественно именно о различных формах бегства человека от субъектности. В частности, разговор пойдет, с одной стороны, о, так сказать, «теоретическом бегстве человека от субъектности». С другой стороны, я кратко характеризую некоторые варианты бегства человека от субъектности, которые можно назвать видами «прагматического бегства человека от субъектности».

Итак, важнейшей формой теоретического бегства человека от субъектности является фатализм. Как известно, любой вариант фатализма видит в человеке марионетку, все поступки которой определяются неким всемогущим началом. В зависимости от природы этого всемогущего начала различаются, как известно, виды фатализма. Я, конечно, не буду здесь сколько-нибудь подробно обсуждать различные виды фатализма. В рассматриваемом здесь контексте важно отметить, что все варианты фатализма можно вместить в два больших класса.

В первый из них входят все те виды фатализма, в которых качество субъектности отрицается применительно к людям, но утверждается применительно к упомянутому выше всемогущему началу. К видам фатализма этого класса относятся все варианты монотеистического фатализма. Понятно, что в фатализме такого класса качество субъекта приписывается всемогущему

Богу, который и определяет во всех деталях поступки и жизнь человека. Соответственно, человек здесь предстает как марионетка в руках так понимаемого Бога. К вариациям фатализма такого класса относятся также те разновидности фатализма, в которых роль всемогущего начала и субъекта приписывается персонифицированной судьбе.

Во второй класс фатализма входят те варианты фатализма, в которых субъекта в указанном выше смысле вообще нет. В таких разновидностях фатализма роль всемогущего начала играет некая безличная сила или сущность. Это может быть, например, механистический (физический, натуралистический) фатализм, в рамках которого существование всех фрагментов универсума, включая каждого человека, однозначно определяется законами механики (законами физики, законами природы), сцеплением причин и следствий и т.п. Это может быть также квазирелигиозный фатализм, в рамках которого все события, в том числе жизнь человека и общества, определяются некой безличной таинственной судьбой.

Кстати, только что приведенная классификация видов фатализма позволяет немного прояснить онтологические основания субъектности человека. А именно: признание субъектности человека означает, что человек в принципе всегда может выступить в качестве начала, вносящего свой собственный вклад в его бытие. Причем этот вклад он может осуществить именно сейчас, в данный момент времени, в текущее теперь. Признание субъектности человека означает, что он – человек – не есть просто пассивное звено, передающее нечто из прошлого через настоящее в будущее. Признание субъектности человека означает признание его всегдашней активности, признание его способности к самодвижению, к самоосуществлению, к самодетерминации. Разумеется, только что сказанное ничуть не отрицает того фундаментального факта, что человек всегда, в каждый момент времени находится в силовом поле многих видов детерминации. Признание субъектности человека означает лишь то, что все эти многообразные виды детерминации не определяют бытие человека полностью, что они всегда оставляют некий, пусть минимальный, «зазор» для проявления субъектности человека.

Как известно, древние восточные религиозные системы прямо строились на отрицании субъектности, утверждая иллюзорность индивидуального бытия человека. Категории буддистской онтологии, такие как сансара, майя, нирвана, отражают отсутствие субъектности человека. Он сам часть нереального, иллюзорного мира; он переходит из одного тела в другое; он страдает, находясь в теле, и единственный способ вырваться из пут колеса сансары – это угасить желания, получить доступ в Ничто, в Нирвану, через аннигиляцию как полное исчезновение. В некотором роде, здесь, на наш взгляд, есть некий парадокс: так как без волевых усилий вырваться из круга перерождений невозможно, то человеку надо применить свою субъектность, чтобы потом полностью от нее отказаться.

Интересна, на наш взгляд, разница в понимании посмертного бытия человека в буддизме и восточном христианстве (в контексте нашего разговора о

субъектности и бегства от нее). Собственно, мы только что вспомнили стремление убежать от собственной субъектности в буддизме. А в христианстве же существует убеждение: после смерти Петр остается Петром, а Павел Павлом. То есть личностная осознанность (в контексте данной религиозной традиции) не аннигилирует, а наполняется и проявляется в своей полноте.

Помимо указанных выше форм теоретического бегства человека от субъектности в истории человечества и в наши дни широко распространены также различные виды, так сказать, прагматического бегства от субъектности. Эти виды бегства человека от субъектности, конечно, могут иметь некоторое теоретическое обоснование, в том числе в виде более или менее весомых отсылок к различным видам фатализма. Но теоретическое обоснование в данном случае не играет решающей роли. Решающая роль в широком распространении таких вариантов бегства людей от субъектности принадлежит здесь социальным в широком смысле этого слова факторам и факторам психологическим.

Иными словами, люди нередко бегут от своей субъектности, потому что быть субъектом в сообществе, к которому они принадлежат, невыгодно и опасно, зачастую даже смертельно опасно для этих людей. Речь идет здесь, в частности, о различных видах конформизма. Представим себе, например, человека, принадлежащего тоталитарному обществу. История убедительно показывает, что в таком обществе только герой решится открыто проявить качества своей субъектности: заявит о своем несогласии с идеологией, господствующей в этом обществе, и т.п. А большинство людей, живущих в таком обществе, по крайней мере, минимизирует проявления этих качеств. Немалая же часть такого общества, по сути, полностью откажется от своей субъектности и станет носителем соответствующих социально-политических убеждений и действий. То же самое относится и к представителям военных и военизированных организаций, которые, как хорошо известно, склонны прятаться за формулой: «я выполнял приказ».

Также не менее интересным аспектом субъектности является, на наш взгляд, феномен человеческого творчества. Размышления о природе творчества в философской и религиозной мировоззренческой традиции накопили значительный теоретический материал. Так, в восточно-христианской традиции творчество становится одним из смысловых уровней наполнения богоподобия человека (как заданности), наряду со святостью, бессмертием, разумностью (духовностью) и т.д. Человек сотворец Богу, соработник выстраивания мира истории, культуры, ценностей и смыслов. Кстати, в ангелологии серьезных богословов человек, что даже трудно представить, выше мира ангельского в том плане, что имеет телесность и с ее помощью творит. То есть природная основа человека возвышает его над миром ангельским [Кононова, 2009]. В светской философской мысли творчество выступает фундаментальным проявлением человеческой субъектности, тем, что выделяет человека из природного мира. Именно свободная личность творит мир культуры и ценностей и смыслов. Вся иная живая природа творческого потенциала не содержит. То есть можно

утверждать, что творческие проявления человеческой природы укрепляют субъектность человека.

Не так в натурализме, особенно современном. Практически основной массив современных публикаций использует исследовательский прием редукционизма. Редукционизм, несомненно, обладает значительным методологическим потенциалом для натуралистических исследований, предлагая понимание более сложных объектов через более простые, известные, понятные. При этом надо помнить, что редукционной характеристике подвергается не просто один из живых объектов мира, а именно человек. При такой обработке человек зачастую лишается своей уникальности и специфичности. Его многомерность не то чтобы не учитывается, но рассматривается исключительно в естественно-научном, биологическом контексте. Конечно, степень редукционизма в натуралистической антропологии разная. Но об этом я упомяну позже. Здесь же в качестве примера хочу привести позицию крайнего редукционизма в трудах известного современного нейробиолога Роберта Сапольски, в частности в одной из последних его работ «Все решено: Жизнь без свободы воли» [Сапольски, 2025]. После прочтения ярче понимаешь современную тенденцию «возвращения» человека натуралистами в природный мир. Эту и подобные ей работы объединяет общая эмоция радости от вновь осознанного нахождения в группе приматов, надежда на пересмотр многовековых этических и, основанных на них, юридических кодексов. Вот и возникает вопрос: а где же субъектность и ответственность за собственные решения и поступки? Опять бегство от субъектности? Так ли все однозначно?

Яркое название данной книги Сапольски содержит основную установочную ориентацию автора: показать безосновательность притязаний феномена свободы на главенствующее место в человеческой жизни. Он анализирует поступки человека и их обусловленность, детерминированность предшествующими причинами, чтобы показать человека и его поведение как случайную сумму взаимодействия «факторов биологических и факторов среды, над которыми мы не властны». В центре внимания автора «гуманная повестка», которая отражает «общепринятые представления о субъектности и личной ответственности» [Сапольски, 2025:11]. Авторская позиция, с одной стороны, действительно заслуживает серьезного уважения, так как он пытается донести до аудитории некоторую архаичность традиционных этических и социально-юридических нормативов, например, по отношению к детям с патологиями развития в педагогике или несовершеннолетним преступникам. И областей применения новых, смягченных, форм применения субъектности или личной ответственности, множество. Но, с другой стороны, книга Сапольски насыщена выводами о столь жесткой детерминации поступков человека биологическими или иными факторами, что «отпадает» вообще ценность и значимость субъектности и свободной личностной ответственности человека. Что, на наш взгляд, слишком спорно.

Сапольски вполне ожидает волну негодования аудитории, когда заявляет, что никакой свободы воли у людей вообще нет. К чему логически ведут такие

посылки? К тому, что нет и понятия вины и что наказание с целью возмездия нельзя оправдать. Бесстрастность, или беспристрастность, должны стать нормой в современном мире как отсутствие злобы и ненависти к *любому* человеку (по аналогии с беззлобным отношением к явлениям природы). Исследуя вопрос о свободе воли, автор обращается к исторической традиции. Обзор исторически сложившихся мнений выглядит следующим образом:

- мир детерминирован; свободы воли не существует (то есть детерминизм и свобода воли не совместимы);
- мир детерминирован; свобода воли существует (здесь его главные оппоненты);
- мир не детерминирован; свободы воли не существует (случайность в основе всего важного в мире);
- мир не детерминирован; свобода воли существует [Сапольски, 2025: 17].

Мировоззренческое кредо Сапольски: свободы воли не существует, следовательно, возлагать на людей моральную ответственность за их поступки неправильно. И здесь новый перечень исторически сложившихся следствий, над которыми может рефлексировать читатель:

- свободы воли не существует, но возлагать на людей моральную ответственность за их действия можно;
- свобода воли существует, и люди должны нести моральную ответственность за свои действия (здесь самая распространенная позиция!);
- свобода воли существует, но моральная ответственность неоправданна [Сапольски, 2025: 18].

Далее автор дает определение центральных понятий своей работы. Это «свобода воли», и она связана с субъектностью как способностью человека контролировать свои поступки и действовать *намеренно*. Другое понятие «детерминизм», ведущее свою классическую трактовку от Лапласа; при этом Сапольски уточняет, что детерминированность мира никак не отменяет его изменчивость. В мире все меняется. Изменчивость, на взгляд автора, только подкрепляет вывод о мире без свободы воли. Правда пример, который он приводит, производит более чем странное впечатление (о выпускниках университетов и мусорщиках, которые в рамках мысленного эксперимента меняются своими местами) [Сапольски, 2025: 23].

Итак, намерение. Сапольски не первый исследователь-нейробиолог, кто обращает внимание на данный аспект поступка. Здесь главный вопрос ученых: что происходит в мозге, какой процесс, когда человек делает выбор действия или мнения? В качестве примера автор приводит эксперимент (1983г.) Бенджамина Либета, американского исследователя, в ходе которого «зафиксирован» выбор мозгом *намерения* за секунды до действия или поступка. Для Сапольски данный «выбор мозга» однозначно трактуется в сторону отсутствия свободы воли: «Ощущение свободы воли – это всего лишь апостериорная иллюзия, ложное чувство контроля ... мозг, похоже, принимает решение еще до того, как вы подумаете, что приняли его» [Сапольски, 2025: 29]. Тоже спорный вопрос. Как

известно, на данных выводах делаются доказательства невиновности людей, совершивших преступления. Так, в работе Майкла Газзанига «Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии» [Газзанига, 2017] представлен аргумент против тех выводов, к которым приходит Сапольски. Мы уже в одной из предыдущих работ делали обзор проблематики, сложившейся вокруг вопроса о свободе воли в контексте современной нейробиологии [Кононова, 2020]. Так, Майкл Газзанига настаивает, что это еще не доказательства виновности или невиновности подсудимого. Он выделяет три зоны судопроизводства, на которые уже оказывает воздействие нейробиология: ответственность, доказательство и справедливость по отношению к жертве и обвиняемому. Но поведение человека с нетипичными снимками мозга и нарушениями мозга вовсе не означает, что человек неспособен к ответственности. И в мозге нет зоны, где располагается ответственность (!) Ответственность же, по мнению Газзанига, это результат соглашения между людьми, а не свойство мозга [Газзанига, 2017: 274].

Также работа Сапольски изобилует историческими примерами далеко не гуманного отношения человечества (по причине непонимания и невежества) к людям, больным самыми разными заболеваниями. Это и эпилепсия, и шизофрения, и гонения на ведьм, и многое другое. Дикость и невежество приводили к жестоким формам обвинений и наказаний. Автор перемежает подобные исторические экскурсы показом современности. Так, он говорит о проекте «Невиновность», объединяющем сегодня профессионалов и науки, и медицины, и юриспруденции. И уже есть оправдательные приговоры, меняется отношение к серьезно больным людям, совершившим преступления. То есть повторю, гуманистический пафос натуралистических выводов Сапольски вполне понятен и оправдан. Но! Крайность позиции совершенного отрицания свободы воли, выбора, намерения и поступка человека, отрицание субъектности человека, на наш взгляд, не имеют достаточного доказательства в позиции Сапольски. Принимать во внимание патологические процессы организма отдельных индивидов при совершении действия – это одно, а абсолютизировать зависимость человека вообще от природных детерминаций (а значит не учитывать духовно-культурный багаж человечества) – это другое. Да и множественные доказательства Сапольски в своих выводах не новы: идущая от Ламетри традиция «человека-машины» вполне обретает новую жизнь у современного нейробиолога. Прямые и непосредственные аналогии, как, например, между процессами внутри моллюска (как полностью механической, биологической системы) и внутри человека, когда он производит некое действие (например, выстрел). Вывод автора: это практически то же самое.

Мы в данном обзоре не анализируем подробно книгу Сапольски, наша цель показать общую тенденцию натурализма в контексте исследования антропологической проблематики. Примеров множество, доказательства на уровне натуралистического редукционизма и даже подробных описаний нейронных структур и механизмов их действия – не удовлетворяют. Читать интересно, но остается грустное впечатление, что человек так и не понят.

Так, натуралистические исследования все глубже и глубже проникают в человека, и, как следствие, мы уже видим выводы и попытки отнять у человека его субъектность. Пока мы в мире человека, мы еще можем вести и дискуссию, и полемику с оппонентами иной мировоззренческой ориентации по антропологической проблематике. Но впереди уже трансгуманизм с его преодолением человеческого как слабого и нуждающегося в модернизации. Вот тогда уже точно субъектности человека может быть нанесен сокрушительный удар, так как это может стать временем уже постчеловеческим, нечеловеческим...

Список литературы

Газзанига, 2017 – *Газзанига, М.* Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / Майкл Газзанинга; пер. с англ., под ред. А.Якименко. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. 368 с.

Кононова, 2009 – *Кононова Е. С.* Антроподицея мыслителей византийского Средневековья [Текст]: монография / Кононова Е. С. Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Орловский гос. ун-т". Орел: ГОУ ВПО "Орловский гос. ун-т", 2009. 136 с.

Кононова, 2020 – *Кононова Е. С.* Нейробиологический аспект современных концепций исследования человека // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2020. № 2(12).

Сапольски, 2025 – *Сапольски Р.* Все решено: Жизнь без свободы воли / Пер.с англ. М.: Алпина нон-фикшн, 2025. 534с.

Финогентов, Кононова, 2024 – *Финогентов В. Н. Кононова Е. С.* О субъектности человека // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 3(29). С. 35-47.

Фромм, 2000 – *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э.Фромм. М.: АСТ, 2024. 305 с.

УДК 572.1/.4:316.62+612.8+612.4

Куртов С. Ю.,
аспирант кафедры философии,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Природа поведения человека как базис устойчивости социальной системы

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-94-103

Объясняется диалектичность биотического и социального начала человеческой природы. Описано формирование просоциальной модели поведения человека в процессе антропосоциогенеза. Перечислены условия социокультурной